

Звон доспехов раздался, когда командующий опустился на колени:

— Ваш слуга признаёт свою вину.

Справа и слева подошли солдаты, чтобы увести группу советников. Князь Цзинчэн, лицо которого оставалось невозмутимым, бросил меч перед коленями командующего и сказал евноху:

— Передайте, что князь Цзинчэн Сяо Шанли просит аудиенции у Его Величества.

Князь Шоушань с улыбкой на губах проронил, что Сяо Шанли относится к чиновникам как к скоту, лишь бы угодить отцу. Двери зала открылись, и два евноха с двух сторон пригласили Сяо Шанли войти.

В зале серебряные подносы с тающими льдинами издавали звуки капель, а прохладный воздух окутывал всех присутствующих. Император Чу, одетый в простую одежду, сидел на троне, держа в руке нефритовый скипетр, пока придворные подносили ему вино.

Пол блестел, как зеркало. Сяо Шанли подошёл к трону, опустился на колени и поклонился:

— Ваш сын самовольно наказал чиновников, которые разгневали Ваше Величество, и пришёл просить прощения.

Император Чу даже не открыл глаз, словно спящий тигр:

— Ты их наказал или, наказывая, спас?

Сяо Шанли замолчал на мгновение, затем поднял голову:

— Они вызвали гнев Вашего Величества, и это уже преступление. Если судить их, то их вина заслуживает казни. Однако, не смея обманывать Ваше Величество, если бы я был на Вашем месте, я бы их непременно использовал.

Император Чу резко встал и спустился с трона:

— Ты бы их использовал? Ты бы их использовал? Вот мой хороший сын!

Его чаша была наполнена красным вином, в котором плавала киноварь, и он с силой бросил её перед Сяо Шанли, разбив вдребезги.

Спина Сяо Шанли дрогнула, но он не опустил голову, а, напротив, выпрямился, словно нефритовая статуя:

— Они легко поддаются уговорам и пишут доклады, становясь пешками в чужих руках. Они глупы, но в Вашем дворе все умные люди погрязли в интригах, и остались только такие глупцы, которые искренне служат стране и народу. Такое положение дел — это великое несчастье для

Вашего Величества как правителя...

Император Чу схватил кувшин с вином и швырнул его в лицо князя Цзинчэн. Тонкий нефритовый кувшин разбился о его лоб, и вино стекало по лицу, как кровь. Сяо Шанли упал на бок, голова кружилась, глаза жгли, и он едва мог подняться. Но он снова встал на колени и произнёс:

— Несчастье Вашего Величества — это мелочь. Но если даже таких глупцов нельзя спасти, то это будет великим несчастьем для всех подданных Вашего Величества.

Евнухи дрожали, падая на пол. Император Чу в ярости пнул поднос со льдом, и в пустом зале раздался громкий грохот, а лёд разлетелся по полу. Император указал на князя Цзинчэн скипетром и закричал:

— Заткнись! Я слишком баловал тебя, и ты превратился в животное, не знающее ни отца, ни государя!

Кровь смешалась с вином на лице Сяо Шанли, и он снова поклонился:

— Ваш сын готов разбиться в прах, лишь бы не запятнать доброе имя Вашего Величества. Поэтому я и наступил на Ваших чиновников. Если Ваше Величество накажет меня сейчас, люди подумают, что это наказание за мою дерзость, и это будет справедливо. Ваш сын готов принять наказание.

Император Чу смотрел на его окровавленное лицо, на лоб, который опух, а осколки нефрита впились в кожу. Его редкая красота теперь выглядела ужасающе, и в сердце императора внезапно возникла острая боль. Он посмотрел вниз, где лёд смешался с кровью и вином, создавая беспорядок на полу. Его виски поседел, и он, стоя в крови, почувствовал, как давно он не видел таких сцен. Он пошатнулся и отступил.

Император Чу, стараясь сохранить спокойствие, ненавидел слова князя Цзинчэн, но не мог смотреть на его окровавленное лицо. Он окинул взглядом младшего сына, стоящего на коленях, и мрачно сказал:

— Уведите этого щенка! Заприте его в его резиденции, и без моего указа он не должен выходить ни на шаг! Никто не должен обсуждать это дело, иначе будет наказан вместе с тремя поколениями семьи!

Сяо Шанли, с головы до ног в вине и крови, был унесён придворными на носилках и потерял сознание. Когда он очнулся, он уже был в своей резиденции, лоб горел от боли, а правый глаз был перевязан. Гу Хуань, лицо которой было бледным, а глаза заплаканными, сжала его руку:

— Маленький девятый... Зачем ты нарочно разгневал Его Величество? Ты глуп!

Сяо Шанли хрипло ответил:

— Не бойся, сестра, я сделал это нарочно.

Он крепко сжал её руку и спросил:

— Как Его Величество наказал меня?

Его кожа на лбу была белой, а повязка, такая же белая, пропиталась кровью, словно на прекрасном нефрите появился изъян, вызывающий вздохи сожаления. Гу Хуань почувствовала, как в носу защекотало, и, отведя взгляд, поправила ему одеяло:

— Его Величество сказал, что раз ты не хочешь помогать ему строить дворец, то больше не должен участвовать в надзоре. Он приказал тебе через полмесяца отправиться в область Чжэчжоу для помощи в ликвидации последствий бедствия.

Сяо Шанли на мгновение замолчал, а затем рассмеялся, словно что-то было крайне абсурдно. Смех вызвал боль в ране на лбу, и он слегка сжал руку Гу Хуань:

— Сестра, я выиграл пари. Его Величество не стал меня убивать, и теперь он больше не сможет решиться на это.

Ему было всего семнадцать, и он уже шёл на такие риски, чтобы защитить себя. Гу Хуань не нашла слов, и в её ушах снова зазвучали слова наложницы Жун: «Нет ничего более жестокого, чем императорская семья». Она с трудом улыбнулась, глядя на слегка приподнятый подбородок Сяо Шанли, и утешила его:

— Маленький девятый, не бойся, рана глубокая, но не длинная. Хотя в неё попала киноварь, если лечить правильно, то шрам может и не остаться.

Сяо Шанли, взгляд которого был подобен воде, покачивающейся на ветру, сказал:

— Сестра, я хочу оставить шрам.

Он коснулся лба пальцем и, открыв алые губы, произнёс:

— Я хочу, чтобы каждый раз, когда Его Величество видит меня, он чувствовал вину. Тогда следующие несколько лет я смогу быть в безопасности.

Сяо Шанли был заперт в своей резиденции, несколько дней провёл в полубессознательном состоянии, с лёгкой лихорадкой. Однажды днём, когда ему стало немного лучше, он приказал служанкам перенести его черепаховую кровать в коридор, где росли пионы, и там он лёг спать. Тени цветов отражались на занавесках и на его одежде. Он повернулся на бок, волосы рассыпались по кровати. Во сне он услышал вздох, и кто-то наклонился, чтобы схватить прядь его чёрных волос, а затем поправил их у виска.

Сяо Шанли вскрикнул и резко встал, повернувшись спиной, чтобы скрыть лицо, и с горечью сказал:

— Ты... не смотри на меня!

Он хотел быстро уйти по коридору, но Лэ Юй схватил его за рукав и не отпускал. Лэ Юй держал его рукав, на котором отражались тени цветов, и, ослабив хватку, сказал:

— Я слышал, что ты ранен.

Сяо Шанли повернулся к нему спиной и, глядя на перила, сказал:

— Я ранен на лице, и это никогда не заживёт. Лучше тебе не смотреть на меня, чтобы ты мог помнить ту красоту, которая тебе нравилась.

Он намеренно говорил так, чтобы вызвать жалость Лэ Юя, который всегда был глубоко привязан к нему. Но, сказав это, он почувствовал горечь, ведь если его лицо больше не будет прежним, то и чувства этого человека к нему изменятся.

Но Лэ Юй снова схватил его за руку и медленно повернул к себе. Сяо Шанли дрожал, прикрывая лицо рукавом, но Лэ Юй заставил его повернуться и обнял, одной рукой приподняв его лицо. На лбу была повязка шириной в два пальца, и, сняв её, Лэ Юй увидел шрам, яркий, как цветок камелии, с белым оттенком в центре и глубокими порезами вокруг, в которые проникла киноварь, оставив красный след на коже. Его прекрасные глаза тоже слегка покраснели, и слеза упала на руку Лэ Юя.

Сяо Шанли смотрел на него со слезами на глазах, и его красота, стоящая у перил, вызывала жалость. Лэ Юй, словно обожжённый его слезами, поцеловал влагу на его ресницах. Сяо Шанли не знал, стоит ли отталкивать его или поддаться, и просто запрокинул голову, позволяя ему целовать себя, опираясь спиной на черепаховую кровать. Он боялся, что Лэ Юй больше не полюбит его лицо. Лэ Юй поцеловал его рядом со шрамом на лбу:

— Ты слишком красив, и я всегда боялся, что ты вызовешь зависть не только у людей, но и у небес. Теперь, когда на нефрите появился изъяз, я чувствую себя немного спокойнее.

Сяо Шанли улыбнулся, радуясь, что его любят так сильно, и его красота стала ещё более ослепительной. Он положил голову на грудь Лэ Юя:

— Так скажи, лучше с этим шрамом или без него?

Лэ Юй схватил его за запястье и улыбнулся:

— Если ты не против, то этот шрам, как цветок камелии, добавляет тебе ещё больше очарования. Если ты против, то я найду для тебя все чудесные лекарства мира, чтобы убрать его, даже если это будет «Пилюля Возрождения» или «Слёзы Гуаньинь».

Сяо Шанли был бесконечно счастлив, но тут Лэ Юй продолжил:

— Если ты пойдёшь со мной.

Его лицо сразу же стало холодным, и он вырвал руку:

— Почему ты не останешься ради меня?

Лэ Юй отпустил его руку:

— Борьба за власть — это шаг за шагом, и ты уже почувствовал её вкус.

Сяо Шанли холодно ответил:

— Ты сам на краю пропасти. Павильон Весеннего Дождя уже подчинился, а Остров Пэнлай скоро станет мишенью. Ты сам должен подумать о своём будущем.

<http://bllate.org/book/15272/1348098>